

Москва. 14 июня 2005 года, 16:53

Звонок мобильного был отключен, и аппарат запульсировал в нагрудном кармане моего пиджака в приступе вибрации, как попавший в паутину шмель. Чертыхнувшись, я выловил его оттуда, посмотрел на засветившийся экранчик, где мигала надпись «Zimin». Ага, давно не виделись, прямо соскучиться успел. Я ткнул большим пальцем в кнопку приема и поднес телефон к уху:

— Слушаю вас, Леонид Сергеевич.

Голос мой прозвучал не то чтобы очень вежливо — скорее напротив. Для вежливости поводов не было.

— Андрей Алексеевич, вы уже далеко отъехали? — донеслось из трубки.

— Нет, еще недалеко. А что? — слегка настороженно ответил я.

Продолжать процесс общения никак не хотелось. А ему, кажется, наоборот:

— Мы с вами сейчас могли бы снова встретиться?

Выматериться мне удалось совершенно беззвучно, и при этом я даже удержался, чтобы конкретно не послать собеседника по известному адресу. Выдержка!

— А мы недостаточно еще навстречались? — осторожно спросил я, переводя дух. — На мой взгляд, так на год вперед хватило общения.

Пообщались мы сегодня действительно здорово, причем совсем недавно. Только что, если уж быть точным. Общались не только с самим Зиминым, а с пришедшими с ним каким-то до невероятности молодым и мутным «важняком» из Центрального следственного управления, имени которого я так и не запомнил, и молодым мордатым юристом Фёдей, много хамившим и изображавшим из себя то ли генерального прокурора, то ли вора в законе. Разговор часто переходил на повышенные тона, Зимин тихо посмеивался и пытался навести порядок за столом, потому что юрист Фёдя, чувствуя себя в безопасности за двумя ментами, много кричал, угрожал, в конце концов свел и без того непростой разговор к собственному бенефису. Стороны максимально откровенно обменялись мнениями друг о друге и разошлись в крайне озлобленном состоянии.

— Андрей Алексеевич, вы меня правильно поймите. — Тон Зимины был скорее извиняющимся. — Наш недавний разговор состоялся вообще и именно таким образом потому, что меня уполномочили организовать встречу представителей вашего кредитора и вас...

— А «важняк» кого представлял? — перебил я.

— «Важняк» был для важности, простите за каламбур, — усмехнулся Зимин. — Люди думают, что позвали «важняка», покричали как Федор — и деньги сами к ним пришли. Решили вопрос — что захотели, то поимели. Хотя таких, как Федор, все же к разговорам пускать нельзя. Молодой, глупый, понтов много. Я с вами немножко о другом хотел поговорить, менее... хм... портящем настроение. Найдете время для разговора наедине?

Ехал я домой, никаких больше планов не было. И что такое интересное может Зимин со мной обсуждать? С одной стороны, все его предложения послать хочется, но фактор любопытства... Однако я сделал вид, что задумался, и спросил в свою очередь:

— В часок уложимся?

— Думаю, что уложимся, — подтвердил он. — Собственно, у меня к вам предложение некое. Не понравится — то можем и в пять минут уложиться, понравится — сами решите, сколько посидим. Вы сейчас где территориально?

— На Маяковке, только что из тоннеля выехал в сторону Смоленской.

— Вы знаете пивную «Жигули» на Новом Арбате? Вы пиво пьете?

— Кто же не знает? — вздохнул я. — И кто пива не пьет?

Нелучший собутыльник, но все же... И до дома недалеко.

— Сможете через пятнадцать минут быть там, во втором зале? — спросил Зимин.

— Если у них места на парковке есть — то смогу, — прикинул я. — В крайнем случае, через двадцать.

— Я вас там ждать буду, слева от входа в зал, за одним из столиков. Увидите.

Я надавил на газ, выскочил в левый ряд и погнал в сторону Смоленской, на разворот. Потолкался на светофорах, пропетлял по арбатским переулкам. Места на «жигулевской» парковке были, прямо возле входа. Я сунул купюру в руку парнишке в черной форме, взял портфель с заднего сиденья и вошел в ресторан, мимо фотографии Леонида Ильича со товарищи, пьющими водку на охоте, и мимо гардероба.

Зимин, крепкий мужчина лет пятидесяти, с загорелым лицом и волосами, лишь немного тронутыми сединой, в белой рубашке и легких брюках, сидел за дальним столиком у стены в ближайшем от входа отсеке. Было еще рано, поэтому малоллюдно. Я подошел к столику.

— Присаживайтесь, Андрей Алексеевич, — сделал он приглашающий жест. — Я пива попросил, и к пиву чего-нибудь сообразить. Будете?

Я поставил портфель на стул, сам сел на соседний, расстегнул пиджак, повесил его на спинку стула, затем ослабил галстук. Жарко на улице, лето в Москве — отдельная история.

— Отчего не быть? Буду обязательно.

— Вот и хорошо, — кивнул он.

Как раз подошел официант, поставил на стол запотевший кувшин с пивом, тарелки с закусками, положил два меню. Зимин быстро и ловко налил пиво в кружки, поднял свою в приветственном жесте, кивнул мне — и выпил ее на треть буквально в два глотка.

Я тоже отпил холодного пива, поставил кружку на стол, всем своим видом показывая, что готов слушать.

— Мне надо поговорить с вами, Андрей Алексеевич, — заявил Зимин. — Без Федоров и прочих.

— Ну вот мы сейчас без прочих Федоров вроде, — обвел я рукой окружающую действительность. — Давайте поговорим.

Зимин еще хлебнул из кружки, затем сказал:

— Значит, так... я для начала попробую обрисовать ситуацию так, как я ее вижу. Может, я чего в ней и не понимаю, могу ведь и ошибаться, но определенное мнение у меня сложилось. Положение у вас сейчас почти безвыходное.

— Полагаете? — с некоторой иронией спросил я.

Это он или очень наивный, или неискренний. Другое дело, что выходы несколько радикальные...

— Полагаю, — подтвердил он. — Выход есть всегда, разумеется, я поэтому и сказал «почти», но вот именно хорошего выхода из ситуации нет — мирного, полюбовного, вы уж моему опыту поверьте. Все же я в милиции двадцать четыре года проработал, и в адвокатах уже три года. Другое дело, что я почти уверен, что кредиторы ваши с вас и рубля не получат. Хотя дело ваше подгребут наверняка, а вас из него вытолкнут.

— Почему вы так думаете?

С последним утверждением я, пожалуй, был согласен, все к тому и шло. Но уточнить не грех.

— А я таких людей, как вы, хорошо знаю, — усмехнулся собеседник. — Или за границу рванете, или станете опасно агрессивным, или еще что-то отчудите.

— Я что — бандит, по-вашему? — спросил я, подумав, что не может быть такого, что Зимин вытащил меня на разговор лишь для того, чтобы я разболтал ему свои планы на будущее. Хотя, надо отдать должное, он почти угадал. Просто сдаваться я не собирался и варианты уже прикидывал разные. В том числе и с печальными последствиями для противника.

— Нет, не бандит, — усмехнулся Зимин. — Вы вполне уверенный в себе сорокалетний мужик, далеко уже не мальчик, у которого хватает и ума, и здоровья для того, чтобы не давать плясать у себя на голове фокстрот. Даже если бы у вас сейчас были те деньги, которые с вас тянут, вы бы их все равно не отдали, потому что долг ваш, тут ежу понятно, — искусственного происхождения. К тому же вы не обременены семьей, а компания ваша уже развалилась, так что на самом деле вас ничто не сдерживает. А кредиторы, или, как стало модно говорить — рейдеры, этого еще не поняли. Они делают сейчас глупость из глупостей — загоняют в угол и еще злят. Можно сильно пострадать.

— А что же вы так радуете за его выплату, если долг полагаете искусственным? — продолжал я выспрашивать.

— Что я говорю там, с теми людьми, и что говорю здесь — две большие разницы, как говорят в Одессе, — ответил Зимин, нимало не смущаясь моим ехидством. — Я наемный работник, агент. Там я на них работаю, потому что они меня наняли, и поэтому вынужден «радеть», как вы выразились.

Он еще раз с видимым удовольствием приложился к кружке, продолжил:

— Здесь, сейчас, за этим самым столом, я работаю на других людей, которым разборки между коррумпированным префектом, его зятем — бывшим

прокурорским, дружком — начальником БЭПа, всеми прочими и вами — в общем-то, до лампочки. Да и вы здесь не без греха.

— Конкретней насчет грехов, пожалуйста.

Не люблю я облыжных обвинений, даже если на самом деле они правдивы. А кто у нас без греха? Пусть тот и бросается камнями в кого ни попадая. А раз сказал «А», то говори уже и «Б».

— Захотелось вам перейти на качественно иной уровень, вязались в авантюру, если честно, — сказал он, откинувшись на спинку стула и глядя мне прямо в глаза. — А на этом уровне другие правила, и тот, кто туда идет, должен иметь серьезную защиту и покровительство, чтобы его не съели. А вы пошли — и попали в заранее подготовленную ловушку. Ее же не специально для вас придумали, она там всегда стоит. Как капкан на тропе. — Зимин изобразил руками нечто, подобное смыкающимся челюстям.

Ну в этом он прав, предположим. Я в какой-то момент сам почувствовал, что успех в деле начал привлекать излишек внимания. Хотя бы всевозможные проверки вдруг зачастили без всякого видимого повода.

— Кто попал в него, тот и добыча, — продолжал Зимин. — И что в итоге? Вы своими деньгами оплатили проект и участок, так называемые инвесторы — мало того что отмыли краденое и взяточное, но еще и вас же обокрали, и вы же им еще должны остались. Деньги же прошли по кругу: они вам правой рукой дали, а вы им в левую заплатили. Их деньги вернули, да еще своих добавили. Неужели непонятно?

— Это понятно, — кивнул я. — Но понятно становится потом. Когда схема на поверхность лезет.

— А чтобы было сразу ясно, надо в такие дела под прикрытием ходить или хотя бы справки наводить всерьез, с кем дело имеете, — жестко сказал он. — А вы почти на авось. И на крючке оказались. А чтобы вы не дергались, вам сразу и дело уголовное, и проверки, и надо будет — и еще дело откроют, и еще. Отбивайтесь на здоровье, проводите время с пользой. Ни на что другое у вас его теперь не остается.

— Похоже на правду, — оставалось мне согласиться. Точнее нынешнюю ситуацию и не опишешь. Сам дурак, захотел выше головы попрыгать, а поломка не постелена. И упал больно.

— Естественно, потому что так и есть на самом деле, — добил он меня. — Жадные они, хотят все иметь. А вы ничего не докажете, нигде. По документам вы неправы. Местами... — он поморщился, покрутил руками, — сомнительно, местами натянуто, но наше следствие и суд вы знаете, они глазки закроют, где нужно. И закончится по-любому плохо. Или они вас до тюрьмы доведут, или вам придется в другой стране с нуля начинать, или доведут до ручки, и вы на себя грех возьмете. Плохо все закончится.

— Почему?

Я понял, что он имеет в виду, но хотел, чтобы он сказал это сам.

— Мой опыт так подсказывает, — дипломатично ответил собеседник. — А еще опыт мне подсказывает, что в строительном бизнесе вы не совсем на своем месте. Здесь надо быть крученым, с гибким позвоночником, с кем надо — вежливым. В Москве строите, а здесь начальников — ух сколько! А вы? То правду-матку в глаза, то большого начальника к бениной маме посылаете.

Потом начальник вам в отместку налоговую насылает... видите, как выходит? Давайте по глоточку, а потом я дальше вас порочить буду.

Я усмехнулся, мы чокнулись кружками.

— За горькую правду! — произнес я актуальный тост.

— Ага, именно, — кивнул Зимин, опустошив кружку до дна. — Да и живете вы все последние годы так, как будто это все временное. Ни семьи не завели, все сменяющиеся какие-то дамы, ни даже круга друзей из преуспевающего богатого окружения. Друзья-то все ваши из прошлого — армия, институт. Как будто не нравится вам настоящее ваше, нет в нем никого, с кем стоит дружить.

Опять подошел официант, спросил:

— Выбрали что-нибудь?

Я заказал у него картофельные зразы, Зимин — мясо. Официант ушел, я спросил у Зимина:

— Покопались в моей жизни немножко?

— Покопался, — кивнул он. — Вам бы тоже такую привычку полезно иметь. Если бы вы покопались в прошлом вашего инвестора, то узнали бы, кто он, поняли, что не стоит с ним связываться. И в такую ситуацию не попали бы наверняка. Они-то не впервые такой трюк провернули. Не зная броду... помните пословицу?

— Помню, — ответил я лаконично.

Что есть, то есть, надо бы заранее думать, чем потом так, как сейчас...

— Последние годы вы работали вполне успешно, — продолжал между тем Зимин. — Звезд с неба, может, и не хватало, но для человека с улицы, не зятя премьера или, скажем, не бойфренда президентской дочки — вполне успешно. По странам разным поболтались, тут заработали, там заработали, потом в Москве дело начали, тоже все в порядке было. Но при этом вы только недавно своей квартирой обзавелись, до этого все в съемных проживали. К светской жизни никаким боком. Максимка-то, зять префектовский, из клубов не вылезает, наслаждается жизнью. А вы как будто другой жизни ждете. Кстати, а зачем вы страны проживания столько раз меняли?

— Новая страна — новая жизнь, — ответил я, пожав плечами. — Я их как будто уже несколько прожил. А вы, кстати, психоаналитиком по совместительству не работали?

Зимин хмыкнул:

— Я не работаю, но с психоаналитиком вы уже пообщались.

— Это где же? — удивился я.

— А мужичка командировочного из Питера не помните? Почти напротив, в пабе «Молли Гвинз»? Тот, который почти случайно к вам за столик подсел? Вспоминаете?

— Ах во-о-от как! — протянул я. — Получается, что вы уже с месяц вокруг меня хоромы водите?

— Даже немножко больше, — ответил Зимин, подумав секунду. — Почти полтора.

— И зачем это вам? — насторожился я.

— Предложение некое вам сделать. Давайте налью еще — и расскажу.

Зимин опять аккуратно, без пены, наполнил кружки пивом, поднял свою со стола и сделал ею приветственный жест в мою сторону:

– Давайте, будем здоровы.

Я молча кивнул и отпил из кружки.

– Значит, для начала я кратенько оглашу мнение Семена Борисовича, психоаналитика нашего питерского. Интересно?

– Он и вправду из Питера? – уточнил я.

– Правда, – подтвердил Зимин. – Решили не рисковать, из другого города человека позвали. Вы внимательный, питерское произношение от московского отличите. Да еще и «бордюры-поребрики», «подъезды-парадные»... москвич мог бы проколоться. А нужно было, чтобы вы поверили, что человек приезжий, через пару часов навсегда исчезнет с вашего горизонта.

Я хорошо помнил питерского Семена Борисовича, интеллигентного мужичка в очках и с густыми усами, который должен был кого-то встретить в английском пабе на Новом Арбате, но не встретил, и кому надо было провести пару часов до отъезда на вокзал. Он легко вызвал на разговор меня, сидевшего после очередного визита очередной проверки в поганейшем настроении и зашедшего перекусить и выпить туда, куда я всегда хожу обедать. И этому незнакомому человеку я выложил многое такое, чего никогда не рассказал бы никому из знакомых. Так бывают откровенны соседи по купе в поездах дальнего следования, которые живут вместе в замкнутом пространстве, что располагает к открытости, но поезд приходит на станцию, они прощаются и расходятся, чтобы уже никогда не увидеться.

– И сказал наш многомудрый Семен Борисович, что вы – человек, этому миру не принадлежащий. Каково, а? – Зимин даже паузу выдержал, чтобы убедиться во впечатлении. – Сосед вы просто с этим миром, Андрей Алексеевич. Вот зачем вы, например, каждые выходные носитесь на стрельбище? Тратите при этом немалые деньги на патроны, стреляете часами из всего. Зачем?

– Ну мало ли? – пожал я плечами. – Разные проблемы в жизни случаются.

– Андрей Алексеевич, – засмеялся Зимин. – Даже если вы ваших жуликоватых кредиторов все же решите перестрелять, вам такое умение вовсе не нужно, хватит и гораздо меньшего. О вас на стрельбище чуть не легенды слагают, даже проверяли вас тайно люди из органов – не террорист ли, часом? К тому же проблемам вашим с полгода всего, а вы в Кубинке лет пять уже как пропадаете.

– Вы в курсе, что я раньше пулевой стрельбой занимался, первый разряд имел? – спросил я.

– Знаю, – ответил Зимин. – И знаю, что в Афганистане были снайпером. Не Зайцевым, конечно, но две награды имеете. И все же?

Я пожал плечами. Зачем все во всем ищут какую-то причину? Попробую объяснить:

– Мне просто стрелять нравится. Соревнование с самим собой. Как гольф, например. Или даже бильярд. Вчера так, а сегодня лучше – нет предела совершенству. И способ отвлечься от забот прекрасный.

– Возможно, – согласился Зимин. – Но вот Семен Борисович утверждает, что вы мечтаете о другой жизни – и подсознательно себя к этому готовите, на всякий случай. Что вам на Диком Западе самое место, там бы вы были как рыба в воде. Надеяться только на себя и свой «кольт», мало людей, много земли, кругом опасность, индейцы всякие с бизонами, новые земли...

– Неплохо было бы, но я все же немножко реалист, – пожал я плечами на такое заявление. – По крайней мере надеюсь, что еще остаюсь таковым.

– Еще скажу кое-что, только вы мне сразу морду не бейте, – сдержанно улыбнулся он. – Обещаете?

Не люблю обещать ничего втемную, но любопытно. В конце концов, про обещание и забыть можно – тоже способ.

– Хорошо, обещаю, – кивнул я.

– Я у вас в квартире был, вместе с Семеном Борисовичем, – сказал Зимин и замолчал.

– Вот как даже? – помолчал я, глядя на него. – Хорошо, про морду я обещал.

– Вы худого не подумайте, компромат, деньги или ценности мы у вас не искали, – поднял он руки в жесте «сдаюсь». – Даже не копались нигде. Зашли, посмотрели и вышли, ничего не трогали. Посмотрели просто книги на полках, диски с фильмами, обстановку.

– И?.. – подтолкнул я его к продолжению.

Пусть уж выскажется, надоел со своими драматическими паузами.

– Семен Борисович укрепился в своем мнении, – высказался Зимин. – Человек с деньгами, а мебель по минимуму, из «Икеа», сам привез, сам собрал. Причем подбор такой: удобно смотреть кино, сидеть за компьютером, слушать музыку и спать с женщиной. И все. Ни попыток произвести впечатление, ни приемы светские устраивать. Да и размер квартиры не для приемов... место хорошее, но квартира на одного, без перспектив увеличения численности населения. Пусть и не маломерка, но и не большая. Не хоромы.

Довольно точное описание, по-другому и не скажешь.

– Скорее берлога, – усмехнулся я. – И самому убирать недолго.

– А приходящая горничная? Недорого для вас ведь, по недавним временам? – задал он вопрос.

– Не люблю посторонних дома. Берлога все же.

– Именно! – Он даже ладонью по столу пристукнул. – Машина у вас какая? «Форестер» с турбиной?

– Он самый. Два с половиной литра.

Зимин замолчал – к столу подошел официант с подносом. Молча расставил тарелки, затем пожелал приятного аппетита и удалился. Зимин окликнул его:

– Нам пивка еще кувшинчик!

Официант кивнул, пошел в сторону бара.

– Так вот, о машине... Люди с вашими средствами ездят на машине подороже, посолидней. Чтобы доказать ею что-то окружающим. А у вас другое – быстрая и на все случаи жизни. Не дешевая, но и не дорогая. И в грязь, и в снег, на работу и на рыбалку. Тоже похоже, что машина «на всякий случай», как и стрельба ваша в Кубинке. Единственное, что удивило лично меня, не вписалось, – костюмы у вас дорогие. Пошиты в Лондоне, настоящими портными, на какой-то там улице, забыл на какой...

– Сэвил-Роу.

– Да, да, – закивал он. – На этой самой. Но наш психоаналитик сказал, что это от желания добротности и качества, причем не только в своем внешнем виде. Было бы на показ – вы бы «Армани» носили. А так вы просто

обстоятельный — очень распространенная черта для стрелков, с его слов. Он как раз о чем-то таком диссертацию писал. И часы с обувью у вас дорогие, но это от правила, что вы можете быть одеты как угодно, но именно часы и обувь выдадут в вас человека состоятельного. А так вроде и маскируетесь.

Об этом я раньше не задумывался. Все недосуг было самоанализом заняться. А тут вот как разложили: все подспудные желания на свет вытащили, можно сказать.

— Возможно, — пожал я плечами. — Это и для работы необходимо. И к чему это все, что вы мне здесь рассказали?

— К чему... — Зимин задумался. — Сейчас расскажу к чему. Вам никогда не хотелось на самом деле всю эту суетную жизнь бросить и уехать куда-нибудь к чертовой матери, на острова в океане или, скажем, на тот же Дикий Запад? Свое мнение я уже высказал, хотелось бы теперь от вас услышать.

Я отпил из кружки, поставил ее на стол, покрутил. Подумал, затем сказал:

— Допустим.

— Что именно «допустим»? — спросил он. — Скажите прямо, пожалуйста. Это важно, чтобы вы это произнесли вслух, не заставляли толковать ваши ответы.

— Хотелось бы, если была бы такая возможность, — медленно, чуть не по слогам, ответил я.

— Возможность есть. Я серьезно! Мне не двенадцать лет, чтобы здесь такие шутки шутить, — добавил Зимин, увидев мою ехидную ухмылку.

— Рассказывайте, — махнул я рукой.

— Я вам сейчас в общих чертах изложу саму идею, потом вы можете задать мне любые вопросы. На многие из них я отвечу, на некоторые — не смогу, на некоторые отвечать не имею права. Договорились?

Вид у него и вправду был серьезный. Странно.

— Продолжайте, — вздохнул я.

Зимин вновь отдал должное пиву, заговорил:

— Я, с вашего позволения, вербовщик. Работаю я на некую серьезную международную организацию, название и цели которой вам знать не нужно, да и не влияет это ни на что. Коммерческую организацию, фонд. Организация ищет таких людей, как вы: энергичных, желающих круто изменить свою жизнь по тем или иным причинам. У вас есть желание, есть причины и есть проблема, которая все равно заставит вас ее менять, но уже менее упорядоченным путем.

— Вам это зачем? — уточнил я.

Что бы он ни сказал дальше, не так важно, но начинать нужно именно с этого. Зачем ему?

— Я же вербовщик, как уже сказал, — повторил он. — Я зарабатываю на жизнь.

Мотив достойный, кто бы спорил.

— А ваши партнеры и мои инвесторы как сочетаются?

Зимин усмехнулся:

— Партнеры-кредиторы и так уже обожрались, дальше некуда. Поэтому они не сочетаются. Жулье они, и беспокоиться о них мне даже вовсе неинтересно: допрыгаются рано или поздно, губит жадность фраеров. Лично мне

вы симпатичны, а поскольку я могу заработать на вас, то лучше я прокину тех партнеров, а вам помогу.

— Как именно? — уточнил я. — В смысле как именно заработаете? И чем поможете?

Официант принес кувшин с пивом, поставил его перед нами. К кувшину никто не притронулся, я молча смотрел на Зимина.

— У вас остались некоторые ценности, — сказал он. — Квартира у вас дорогая довольно-таки, для такой-то площади. Мы прикинули, рыночная цена ее сейчас — около шестисот пятидесяти тысяч долларов. Вы знаете рынок, скажите — так это?

— Да, примерно, — подтвердил я. — Дальше что?

Зимин достал из-под своего стула пухлый портфель из коричневой кожи, открыл его. Вытащил оттуда плоский пакет из оберточной бумаги, перемотанный скотчем, положил перед собой, придавив к столу руками.

— Здесь четыреста пятьдесят тысяч долларов, — сказал он. — Я отдам их вам прямо сейчас, если вы примете мое предложение. Это цена вашей квартиры минус мои комиссионные, минус скидка за срочность продажи, минус то, что все оформление купли-продажи и дальнейшей перепродажи — мои проблемы. Мне даже доверенность от вас не нужна. Если вы примете мое предложение — просто отдадите мне ключи перед отъездом.

— Не бойтесь, что продинамлю?

— Нет, конечно, — покачал он головой. — Я играю в открытую. У вас будет три дня, чтобы подготовиться, не знаю... отметить отъезд, или что там вам еще может понадобиться. Через три дня я буду вас ждать в месте, о котором скажу после. Если вас не будет — вас станут искать ваши кредиторы, менты, кто угодно, и мы им будем помогать. Лишние проблемы для вас. Если же вы сейчас начнете сами продавать свою квартиру — скорее всего, не успеете. Наложат арест на имущество, останетесь без денег. А я не только деньги предлагаю, но и другую помощь.

Ну что, позиция изложена достаточно четко для того, чтобы вызвать внимание. Продолжим.

— Хорошо, давайте к сути предложения, — сказал я.

— Вам граммов пятьдесят выпить не надо предварительно? — неожиданно усмехнулся он. — А то после моего рассказа может всякое случиться. Скорую психиатрическую мне вызывать начнете или еще что.

— Не надо, — покачал я головой. — Я не скептик и не легковерный. Верю в то, что вижу, или в то, что мне докажут. Докажете, что вы не пургу гоните, — поверю, и никакой «Скорой» не будет.

— Прагматичный подход, — заулыбался он шире. — Итак, перехожу к сути. Я предлагаю вам перебраться в другой мир. Малонаселенный, живущий по законам почти что Дикого Запада. Мир очень далекий, из которого сюда, обратно, хода нет. Система ниппель — туда дуй, а оттуда — гм... ничего, в общем. Поэтому я и предлагаю деньги вперед — чтобы вы не думали, что вас просто банально хотят замочить за квартиру, за оставшееся у вас имущество. Поэтому и не требуем доверенностей и прочего. Поэтому поможем превратить эти деньги или их часть, какую сами выберете, в то, что полезно в том мире, но не слишком ценно в этом. Это жест доверия и приглашение к доверию.